

А.Н. Фатенков

ПАРОДИЙНЫЙ ХАРАКТЕР ПОСТИСТОРИИ

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; профессор кафедры социально-гуманитарных наук. Приволжский исследовательский медицинский университет. Российская Федерация, 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

Философское осмысление окончания человеческой истории имеет давнюю традицию и, при всем многообразии толкований, тяготеет к двум полярным версиям. Оптимистическая версия знаково представлена в концепции Г.В.Ф. Гегеля, пессимистическая – в концептуальных набросках «позднего» В.С. Соловьёва. В тональности, отчасти перекликающейся с соловьёвской, выстроен и настоящий текст. Методологически он опирается на субъект-центрированную стратегию экзистенциальной философии и сопрягаемую с ней вариацию диалектики. Тематически он нацелен на рассмотрение состояния постистории, в наименовании которого посредством префикса «пост-» схватываются, на взгляд автора, не только и не столько временные смысловые оттенки («после»), сколько пародийные. Всякое пост-нечто пародирует свой корень, спекулятивно наращивая в нем одни содержательные аспекты и скрадывая другие. Постистория умаляет социальное в угоду социотехническому и гипертрофирует политическое, и без того доминирующее в историческом процессе и его типическом восприятии. Внимание автора сосредоточено на интеллектуальном сопровождении очерченных тенденций современной общественной жизни. Критически анализируются теоретические конструкции, которые полностью (Б. Латур) или частично (Ж.О. Ламетри) легитимируют редукцию социального к социотехническому и которые прямо (К. Шмитт) или косвенно (С. Ньуман) подчиняют социальное политическому. Признавая слабость современного общества и соглашаясь с актуальностью индивидуального сопротивления доминирующим в нем негативным тенденциям, автор статьи – в противовес постструктурализму и постанархизму – подчеркивает положительную значимость самоидентификации индивида, проистекающую из его власти над собой. При этом одновременно признается, что индивидуальные усилия для исправления человеческой ситуации недостаточно. И потому прогноз на постисторическую перспективу – пессимистический. Впрочем, автор статьи напоминает, что к истории и постистории земная жизнь – человеческая жизнь как таковая – не сводится.

Ключевые слова: история, постистория, пародия, социальное, социотехническое, редукция социального к социотехническому, политическое, гипертрофия политического

Для цитирования: Фатенков А.Н. Пародийный характер постистории // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 3. С. 121–134.

Несколько вступительных строк

Финал человеческой истории – традиционный сюжет произведений мировой культуры. Все известные философские интерпретации этого события-процесса при всем их многообразии тяготеют в своих оценках к двум полярным версиям: оптимистической и пессимистической. Первая репрезентативно представлена историософией Г.В.Ф. Гегеля с провозглашенным в ней апофеозом прогресса человеческой свободы¹. Вторая выразительно очерчена В.С. Соловьёвым в заметке «По поводу последних событий», написанной им незадолго до смерти. «Что современное человечество есть больной старик, и что всемирная история внутренне *кончилась* – это была любимая мысль моего отца [выдающегося отечественного историографа С.М. Соловьёва. – А.Ф.]... – Опустив доводы Соловьёва-старшего, предосудительные для фетишизирующей толерантности современной цивилизации, продолжу и завершу цитирование его сына. – Историческая драма сыграна, и остался еще один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов. Но содержание их в существе дела заранее известно»².

В тональности, отчасти, но только отчасти, перекликающейся с соловьёвской, выстроен и настоящий текст. В нем пессимизм касательно истории и постистории сочетается с оптимизмом в отношении земной человеческой жизни, главенствующей над всеми своими историческими гранями. Вера в жизнь, приправленная иронией, рассекает беспросветность.

Очертания концепции

Префикс «пост-» привносит с собой не только временной смысл («после»), но и пародийный, свидетельствующий об определенном толка изменении в смысловой композиции оригинала (и лексического, и того, что лексикой символизируется). Одни существенные черты оригинального предмета выпячиваются, другие скрадываются, что приводит в итоге к комичному или трагикомичному в той или иной степени результату. «Пост-» – это не «анти-» и не «не-». В пост-нечто исходное нечто пародирует само себя³.

Случай с постисторией – наглядное тому подтверждение. Событийный ряд, связанный с течением времени и притязающий на закономерность, все еще наличествует, но возникающие при этом онтические фигуры представляют собой, скорее всего, лишь кентаврическую сборку остаточных

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993.

² Соловьёв В.С. По поводу последних событий // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. СПб., 1914. С. 225–226.

³ Подход автора, критически-ироничный, противостоит, в частности, линии Франчески Феррандо, выступающей с позиции постгуманизма. Она, напротив, приветствует различные «пост-», потому что предметность растворяется, на ее взгляд, в постулируемой данной приставкой открытости, в переходе «в какое-то другое место» (См.: Феррандо Ф. Философский постгуманизм. М., 2022. С. 126–127).

исторических феноменов. Имеются в виду здесь даже не гибриды (для них ведь характерен какой-то органический рост), а именно механические конструкции, смонтированные из отдельных фрагментов, некогда самостоятельно и цельно существовавшего.

Постистория в карикатурной, гиперболизированной форме выражает перекокс, который имеет место в историческом процессе как таковом и в типическом, шаблонном восприятии исторического процесса. Заслуживают внимания тут два взаимосвязанных момента: умаление социального и собственно человеческого, с одной стороны, и гипертрофия политического – с другой. Поочередно рассмотрим их, вернее, их теоретическое сопровождение, работающее на легитимацию соответствующих тенденций в общественной жизни. Но вначале еще один концептуальный штрих. История – это эпоха больших социальных проектов и, пусть с определенными оговорками, эпоха надежд на социальность человека и на человечность как таковую. Постистория – время кажущегося, а быть может, и всамделишного исчерпания социальности и, без всяких оговорок, время соблазнов проектом социотехническим. Более того, сама человечность подвергается теперь жестким нападкам – никак, сразу подчеркну, не оправдываемым. Нападки ведутся с позиций фанатизма религиозного (что привычно) и фанатизма научно-технического (что ожидаемо). Верящим в человека – стало быть, в себя прежде всего – остается уповать на экзистенциального толка философию, единственно которая и способна оказать поддержку индивидууму в его сопротивлении фидеистическому и сциентистскому прессингу, псевдобифилии экологических спекуляций и подспудного нигилизма спекуляций политических. Иначе механистическая редукция экзистирующего биосоциального существа, спровоцированная историческим прогрессом, будет доведена постисторией до логического – бесчеловечного – завершения.

С комплиментами и претензиями к «Человеку-машине» Ж.О. Ламетри

В русле истории теоретическая сцепка человека и машины зафиксирована по всей форме (с содержанием не все так однозначно) в названии известного трактата Жюльена Офре де Ламетри⁴. Его книга, правда, с не меньшим основанием могла быть поименована иначе. Скажем, «Человек как вертикально передвигающееся животное». Ведь пафос произведения в признании естественного единства человека с животными и растениями, в утверждении онтологического приоритета природы-матери, обладающей на всех своих структурных уровнях сознанием-воображением или потенцией и предрасположенностью к нему. Но причем тут тогда терминированная «машина»?

Во-первых, дал знать о себе авторитет Р. Декарта, по воззрениям которого животное есть именно телесная машина, лишённая сознания. Ламетри, монистически поправляя соотечественника, наделяет животных элементами сознания, материалистически подчиняя то телесной организации живого существа. При этом картезианская гегемония телесного применительно к животному миру с очевидностью сохраняется, что до некоторой степени

⁴ См.: Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения. М., 1983. С. 169–226.

позволяет сохранить и пользование понятием «машина» в рассуждениях и о наших «меньших братьях», и о самом уже человеке, поскольку французский врач-философ экстраполирует первенство телесного над ментальным и на ситуацию с людьми.

Во-вторых, уподобление человека машине обусловлено особенностями мировоззрения самого Ламетри, конкретнее, его материализма, содержащего, на французский манер, вкрапления пирронизма. Познаваемо только то, что изоморфно механизму, могущему быть, разумеется, изошренно-сложным, – принципиально отличное от механизма непознаваемо, но и не влияет сколь-нибудь существенно на самочувствие человека. Впрочем, до конца непознаваем и человек – наисложнейшая из машин.

Согласно Ламетри, мысль и чувство, слово и обозначаемый им образ неразрывно связаны в человеческой психике – и это сильнейший, крайне актуальный и на сегодняшний день тезис. Психика же, взятая в своем единстве, может быть сведена к воображению. Но речь не о кантовского толка способности к конструированию – к построению того, чего нет вокруг. Нет, речь именно о способности удерживать связанными в познавательном процессе слово и образ, единение которых обусловлено природной и культурной дрессурой человеческого тела. Неспекулятивная активность психики ставится под сомнение. «Разве в состоянии возратить истощенному любовнику его утраченную силу вся его воля и самое сильное его желание? Увы, нет»⁵. Аргумент весомый, с ним нельзя не считаться – как и с тем, что он кивком на некую пассивность психики играет на руку сторонников ее искусственного «усовершенствования» в параллель с тоталитарного толка «оптимизацией» социальных практик.

Конструктивистский механицизм – а-ля Кант – допускает, а скорее даже предполагает, что люди создадут машину более сложную, чем они сами. Тогда технически воплощенный чистый разум поставит под полный контроль предельно бессодержательную максиму индивидуальной воли, а ее носитель будет пребывать в иллюзии, будто действует в условиях свободной причинности. Механицизм внешней дрессуры – а-ля Ламетри – не исключает появления такой машины, но скорее, при умалении природного начала вкупе с нарастанием безрассудно-рассудочного стремления познать все до механистически фиксируемого конца и обывательски уравнивать счастье с технически облегченной жизнью, индуцирует подчинение человеческих мыслей и действий алгоритмам инструментария, созданного самими людьми. В результате социальное трансформируется в социотехническое. «Осмелитесь мыслить самостоятельно!» – главное гуманистическое наследие Просвещения – для человека-машины столь же нелепо, как и портрет Че Гевары на рабочем столе банковского клерка. Нелепо... и донельзя постисторично.

К акторно-сетевой теории – преимущественно с претензиями

Среди современных интеллектуалов, открыто выступающих за трансформацию социального в социотехническое, влиятельны разработчики и сторонники акторно-сетевой теории (АСТ). Желанный для них переход должен быть обеспечен прогрессом науки. Ее цель – и об этом заявляется открыто –

⁵ Там же. С. 214.

«сделать не-человеков», которые станут «релевантными тому, что мы о них говорим»⁶. Инновационное бытие подстраивается под молву – объективируемую в информационном потоке смычку церемонных бесед и бесцеремонных сплетен, ханжества и эпатажа. Так, по крайней мере, трактует молву автор настоящего текста. А трансформацию социального в социотехническое воспринимает как редукцию – процедуру, заведомо умаляющую человечность.

В общественной практике человек привычно использует технику, подчиняя ее себе. Зеркальная ситуация – с подчиненным положением человека – столь же привычно квалифицируется как ситуация отчуждения. Иная картина в функционирующей социотехнической системе: компоненты ее паритетны (во всяком случае, согласно декларациям заинтересованных персон), отчуждение становится нераспознаваемым. Социальное никак не может пренебречь своим природно-биологическим основанием – социотехническое терпит естество до поры до времени.

АСТ и Брюно Латур как знаковый ее представитель отрицает данность социального и природного, полагая, что они лишь становятся и переформируются⁷. Трансформация природно-социального в социально-техническое начинается с механистического опрошения субъекта. Он постепенно низводится к объекту, актору и актанту; причем последнему не находится места уже ни в природе, ни в обществе, ни в языке⁸. Остается в итоге сугубо реляционная интеробъектная структура – актантно-ризомная сеть.

Среди акторов Латур особо выделял *посредника*, который «не может рассматриваться просто как единица; он может приниматься за единицу, за ноль, за некоторое количество или за бесконечное множество»⁹. Идентичность носителя действия размывается. Акцентируется лишь действие, совершаемое каким-то носителем, точнее, приписываемое ему. Актор не источник активности, он только «движущаяся цель обширной совокупности сущностей, роящихся в его направлении»¹⁰. В отличие от классического объекта актер всегда в движении, но насколько оно самостоятельно?

Редукционистская логика АСТ уравнивает человека с вещью. У Латура читаем: «Бильярдный шар, ударяющий другой такой же шар на зеленом фетре стола, может быть столь же активным, что и “личность”, устремляющая “взгляд” на “богатый внутренний мир” другого “значимого лица” в прокуренном помещении пивной, где установлены столы для бильярда»¹¹. Латуровская «пересборка социального» есть результат экстраполяции социологии научного знания, подчиненного технологическим запросам, на поле общественной жизни как таковой. Для натурно фундированного, не «пересобранного» пока индивида неоспоримо: человек сначала рождается, в силу чего затем начинает что-то делать и о чем-то думать, после на основании чего начинает теоретизировать над тем, как теоретизируют и практикуют другие. А перманентно переформируемый социальный индивид (вернее, то, что от него остается: объект, актор, актант) может, собственно, и не думать, и не делать ничего, кроме как, идя след в след за кем-то/чем-то

⁶ Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. № 1. С. 155.

⁷ См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

⁸ См.: Латур Б. Дэвиду Блуру... С. 154.

⁹ Латур Б. Пересборка социального. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. С. 88.

другим, фиксировать предельно бедным языком факты, зафиксированные до него языком «недопустимо» богатым. В согласии с той же логикой индивид может и не родиться – его «полноправные» объективированные заместители в любом случае непрерывно формируются на короткий срок в циркулирующем потоке означаемых и означающих. На смену социологическому и натуралистическому «фундаментализму», отвергаемому «сетевиками», приходит жесткий семиотический и технологический детерминизм.

Дистанцируясь от субъект-центрированных познавательных стратегий АСТ вдобавок неправоммерно отождествляет объективность сущего и мыслимого с их объективизацией, т.е. с чрезмерным и ангажированным (не объективным вовсе) сведением к объекту (и его фрагментам) того, что объектом не является (по крайней мере, в каких-то значимых контекстах). Перед нами, по сути, пародия на объективную онтологию и гносеологию. И, скрывающееся за радикальной фразой, конформистское приятие трансформации социального в социотехническое.

За броскими, с претензиями на новый материализм декларациями о мерцающей социальности, спорадически возникающей из небытия и не существующей без чьей-то фиксации, скрывается, то и дело прорываясь наружу, инструменталистски десубъективируемое берклианство¹², апология отчуждения и соглашательство с капитализмом нового технологического уклада. Пусть и верная констатация того, что сегодня у капитализма нет реального врага, поскольку капитализм «везде»¹³, никак не оправдывает объективистски камуфлируемого теоретического пособничества ему. Сетевые структуры и сопутствующий им дискурс – оптимальная обертка для маскировки капиталистической вертикали и посреднического духа товарно-денежных отношений.

С настороженностью к гегемонии политического

«Пересборка» социального подразумевает его онтологическую шаткость. Ослабленное, оно не способно активно сопротивляться натиску вскормленного им политического.

История давно и безнадежно попала в вассальную зависимость от политики. Репродукции войн, революций, дворцовых переворотов, конституционных реформ – берущиеся то врозь, то нанизанными на законосообразную нить – образуют генеральную линию исторического сознания.

«Рассуждение об истории неотделимо от *рассуждения о власти*», – сформулировал в «Обществе спектакля» Ги Дебор¹⁴. Еще жестче у Эмиля Мишеля Чорана: «...Как бы меня ни тошнило от тиранов, я не могу не констатировать, что они являются основой истории...»¹⁵. К сожалению, очень похоже на правду.

Держа в уме деборовский тезис о сродстве истории и власти, имеет смысл, однако, различать господство над собой, равносильное ответственным

¹² См.: Фатенков А.Н. Онтология Брюно Латура как технологизированное берклианство // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 68–87.

¹³ См.: Латур Б. Пересборка социального. С. 250.

¹⁴ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 80.

¹⁵ Чоран Э.М. История и утопия. М., 2023. С. 29.

ному сопротивлению внешнему прессингу, и господство над другими, подобный прессинг иницирующее и нагнетающее. Исторически мыслящий человек находится в перекрестии этих двух типов властных отношений. Ценность истории (для экзистенциального философа – единственно подлинная, быть может, ее ценность) в том, что она, выталкивая человеческого индивида на перекресток внутреннего и внешнего властвования, позволяет или даже исподволь рекомендует ему отказаться от притязаний на внешнее, социально-политическое господство. Иначе говоря, значимость истории – в возможном отрицании ею самой себя, донельзя политизированной. Здесь с очевидностью проступает философская связь истории и диалектики, негативного момента диалектики по преимуществу.

Что отрицается (при частичном сохранении, конечно, – *Aufhebung!*) в историческом процессе: весь он в своих предшествующих стадиях или только продукты его отчуждения? Впрочем, ответы будут результативно различаться лишь в том случае, если историю мыслить феноменом самодостаточным, исчерпывающим собой социальную реальность (ее, по крайней мере). Если же историю понимать уже как нечто вторичное, скажем, политизированным отчуждением жизни, – именно такова позиция автора – то в очередном продукте отчуждения исторического процесса неизбежно будет присутствовать и продукт предыдущий, а стало быть, и сам исторический процесс. Причем последствия такого отрицания отрицания вариативны: преодоление политизированной истории может как вернуть нас к полновесной жизни, не искаженной отношениями господства и подчинения, так и привести к ситуации гипертрофированного политического прессинга. Тенденцию к чрезмерно возрастающей роли политики и имеем сегодня в качестве общемирового тренда.

История ликвидирует определенные формы жизни, – но ликвидирует бесчеловечно, невзирая на жертвы. А жизнь и без того сурова, без всяких исторических накруток и дополнительных жертвоприношений.

Диалектика – эпифеномен или скорее даже атрибут субъект-центрированной философии¹⁶. Обе они – экзистенциальная версия диалектики безоговорочно – за положительное преодоление политики и истории. Впрочем, и у Гегеля, диалектика-панлогиста, снятие истории, не забудем, открывает дорогу абсолютной идее (идеальному субъекту) к состоянию с предельно богатым содержанием и способностью без помарок осознать себя. Марксу, для которого история онтологически первична (преодолевается ли до конца тут историософский идеализм – не так важно), и социальная ветвь процесса развития продолжает ветвь естественную, природную, расстаться с исторической процессуальностью гораздо труднее, практически невозможно. Но тогда вполне возможной для исторического материализма оказывается политически ангажированная линия на антигуманизм и десубъективацию, что наблюдаем, в частности, в теоретических выкладках Луи Альтюссера: «...История – это процесс без субъекта»¹⁷.

Сопротивление такого рода десубъективации требует от человека определенного жизненного разворота. Сделавшись некогда существом историческим, со временем он может, или даже должен, перестать им быть. Речь

¹⁶ См.: Фатенков А.Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.

¹⁷ Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005. С. 116.

не о притязаниях на вечность, а об освобождении конечной жизни от исторических (квазивечных) и политических спекуляций. Человек – не тот, кто, согласно трансценденталистскому (и трансгуманистическому) шаблону, преодолевает себя; он тот, кто пытается преодолеть все то, что мешает ему быть и оставаться собой. Человек есть существо, время от времени возвращающееся к себе. История с ее политическим мейнстримом рано или поздно становится помехой человечности.

Политика, система отношений господства и подчинения, будучи атрибутом классового общества, разбивая какие-то антагонистические формы, принципиально не способна устранить классовый антагонизм как таковой, бессильна устранить почву, на которой вызревают коренные социальные противоречия. Декларируя справедливые цели (иногда «на бумаге» те действительно справедливы), она не в состоянии гарантировать ни их достижение, ни защиту от появления новой несправедливости, тяжелее прежней. Политика – хронический недуг, отравляющий жизнь людей: в обыденной размеренности – бессимптомно, в период обострения – с ярко выраженной патологической симптоматикой.

Политику возвеличили античные классики. Они провели разграничение жизни приватной (семейной, домашней) и общественно-политической (ценностно более высокой, с их точки зрения), особо не учитывая внутреннюю дифференциацию последней. Но стоит только указанную дифференциацию общественного и политического учесть (что предварительно было сделано софистами и фронтально эллинистической философией), как ореол политики начинает меркнуть.

Концептуально оформившийся в Новое время либерализм на свой манер разграничивает общественное и политическое, планируя превратить власть в инструмент для нейтрализации социального негатива. Но выходит так, что нейтрализуется, а в немалой степени и маскируется, лишь поверхностный, политизированный слой социальных изъянов, глубинные же их пласты остаются незатронутыми. Попытка прибегнуть к изолированным политическим методам не дает позитивно значимых общественных результатов, индуцируя лишь гипертрофию политического. Она задает фиксированный диапазон реализации либерального проекта: от непосредственно фундированного политикой *социального государства* до опосредованно фундированного ею *гражданского общества*, буржуазного по своей классовой сути. Не препятствуя социальной десубъективации, избыточное политическое само выказывает тот же недуг. Жак Рансьер, не без симпатии к либерализму констатирует, что в теперешней ситуации не политический субъект определяет собой политические отношения, наоборот, отношения первичны¹⁸.

На социальные изъяны всерьез воздействовать способно только само социальное. Теоретическое решение задачи намечают анархо-коллективизм и марксизм. В концепции М.А. Бакунина сквозит явное и, думается, реалистичное недоверие истории, точнее, историческому праву, которое всегда на стороне несправедливо господствующих слоев. В противовес писаным и неписаным законам радикальный народник выдвигает, здесь уже с утопическими интонациями, непоколебимый приоритет человеческой совести,

¹⁸ См.: Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006.

давно готовой без всяких понуканий сверху выступить основанием справедливой общественной организации¹⁹.

Для К. Маркса история, при всех ее противоречиях, освободительна, а человеческая совесть вторична, надстроечна и сыграет свою роль после того, как политически (диктатурой пролетариата) будет пробита брешь в социальные глубины и общество придет к освобожденному труду. Немецкий философ, осознавая ограниченность политического коммунизма, далекого от коммунизма подлинного²⁰, понимал последний именно как процесс (как исторический процесс, разумеется)²¹, в ходе которого эмансипируемая социальность и должна сбрасывать с себя политические наслоения, оставляя в качестве поведенческих опор нормы морали.

На практике, в советском обществе, что-то получилось, что-то нет. Препятствием стали не внешние козни, а внутренние неурядицы: излишняя регламентированность общественной жизни и недостаточная социальная активность, обусловленные чрезмерной политизированностью советского строя.

XX в. ознаменовался не только фазами эмансипации социального, но и консервативно-реставрационным проектом слияния социального и политического, а по сути – поглощения политикой всего неполитического. Ведущим теоретиком проекта был Карл Шмитт. В статье 1936 г. он писал: «В общем и целом понятие “политика” до сих пор обычно связывается с его отношением к государству и государственной власти. <...> Сегодня это простое понимание не соответствует действительности. Сегодня нормальное понятие политического единства – народ. И потому сегодня все главенствующие политические понятия определяются применительно к народу. Политическим является все, что касается жизненно важных вопросов народа как единого целого»²². Ни к чему хорошему в исторических реалиях такая установка не привела. Десятки миллионов жертв...

Постмодернизм, несмотря на антиавторитарные и антитоталитарные манифесты, следует в русле расширительного толкования политического, заменяя лишь шмиттовские приветствия подобному состоянию дел объективистского толка констатациями (те, к сожалению, в значительной доле верны) и какой-то безнадежно-обреченной, эпатажно-спекулятивной критикой: субъект сопротивления, как и всякий субъект якобы «уже не существует».

Да нет, существует. И на что-то еще способен. Экстремально – на решительный поворот к власти над собой, а следовательно, и к полноценной свободе; на положительное превозможение истории и политики, на снятие их собственно жизнью. Однако в одиночку справиться тут чрезвычайно трудно. Напрашиваются коллективные, социальные действия. В этом, впрочем, и проблема. Ведь политика только возводит в степень социальные черты индивидов. Иначе говоря, основа того негатива, который концентрируется в политической сфере, содержится в человеческой социальности. Характерное для нее в широких масштабах, увы, стремление индивидов и групп

¹⁹ См.: Бакунин М.А. Революционный катехизис. СПб., 2013.

²⁰ См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 517–642.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.

²² Шмитт К. Политика // Шмитт К. Понятие политического. СПб., 2016. URL: <https://coollib.net/b/480228-karl-shmitt-ponyatie-politicheskogo/read> (дата обращения: 22.12.2023).

возвышать себя за счет кого-то другого политически возгоняется до стремления господствовать над этим другим. Иными словами, когда эгоистичное возвышение дополняется формально узаконенным унижением других, т.е. переходит в господство, социальное трансформируется в политическое. Впрочем, трансформируется не до конца. Отношениям общества и власти на протяжении всей обозримой истории присуща остаточная антиномичность. Любопытную иллюстрацию приводит Жорж Бернанос: «...Франция образца 1940 года – состоявшая из подавляющего большинства петэновцев и только горстки голлистов – и Франция образца 1944 года – состоявшая из подавляющего большинства голлистов и только горстки петэновцев – это одна и та же масса людей, невероятно подверженных различным влияниям»²³. Ситуация допускает полярные оценки. То ли беспринципно подавляющее большинство, быстро меняющее политический окрас. То ли пресловутый политический окрас не принципиален для решения насущных проблем общественной жизни. Неопределенность остается...

История же насмехается над неопределенностью, она всегда на стороне победителей. А победители, само собой, всегда на ее стороне. Пока история молода, уйти от нее решаются единицы. Но вот она увядает. Конец истории, как он осмысливается последние два столетия, символизирует завершение эпохи модерна, которая уравнивала исторический процесс с низведенным в посюсторонность божеством и сделала все, чтобы, подменив его, изрядно обессилившего, утратившего трансцендентные властные полномочия, сосредоточить всю власть в имманентной человеческому существованию реальности. При этом, однако, обнаружилось минимум два нелицеприятных нюанса. Во-первых, устранение «вертикальной», сверхъестественной трансцендентности не табуирует наличия и разрастания трансцендентности «горизонтальной», представляющей собой матричную форму социальной отчужденности. Во-вторых, господствовать над собой современному, исторически ангажированному человеку легче не стало. Он, в согласии с толкованием Александра Кожева, оказался существом, снятым историей, лишенным налично-данного бытия и привязанным к бытию прогрессирующему²⁴. Господство же над другими оказалось доступнее: его, как выяснилось, можно просто купить – а купленное экспроприировать.

Неспособность господствовать над собой и рабское по существу предпочтение властвовать над другими детерминируют скатывание в состояние постистории, в трагикомичное переплетение истории и ее конца. В бездарную театрализованность публичной жизни.

Политики торжествуют. Социальность рассеяна. «Разделяй и властвуй» работает практически без сбоев. Уровень солидарности – той, что не режиссирована верхами, – падает все ниже и ниже. Но остались индивиды, и некоторые из них притязают на какую-то самостоятельность. Постистория озабочена тем, чтобы приручить и их. Один из тактических шагов имеет целью идейно разоружить анархизм. Роль «троянского коня» отдана здесь дискуссии постанархизма. Череду сомнительных «пост-» несть числа.

Перед нами одна из ветвей постструктуралистского дискурса, что открыто признает постанархист Сол Ньюман. Им безоговорочно принимаются

²³ Бернанос Ж. Свобода... для чего? СПб., 2014. С. 80–81.

²⁴ См.: Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по «Феноменологии духа». СПб., 2003. С. 695.

базовые постулаты постструктурализма: об онтологическом сращении индивида, общества и власти и о необходимости замены установки на идентичность, якобы подчиненно встраивающей субъекта в систему властных отношений, установкой на сингулярность, на «субъекта» без самоотжествления, без особого призвания и целей в жизни²⁵. При всем том Ньюман заявляет, что любая власть эфемерна и что мы способны преодолеть внешнее принуждение через простой отказ соглашаться с ним. «Власти не существовало бы, если бы мы не сделали выбор подчиниться ей, если бы мы сами не отказались от собственного господства над собой и не передали бы себя в руки власти»²⁶. Очевидная несуразность постанархизма даже не столько в том, что наш отказ от принуждения извне может быть легко проигнорирован принуждающими нас внешними силами, сколько во взаимоисключающих рекомендациях господствовать над собой и лишиться самоидентификации.

Политика постистории – редуцировать индивида к сингулярности с ее рыхлостью и внутренней пустотой. Никак нельзя согласиться с апологетической мыслью Жюль Липовецки, будто опустошение не ведет к потере смысла²⁷. Теряется, наряду с прочими, смысл к сопротивлению внешнему давлению. Он безнадежно тонет в чехарде сменяющих друг друга состояний, лишенных права на идентификацию.

Постистория и хилиазм (завершающие строки)

Утопия – умиротворяющая пародия на историю. История – брутальная пародия на утопию. Постистория – насмешка над хилиастическими ожиданиями, укорененными в иудео-христианской культурной традиции и ее секулярном изводе. Постисторическая панорама без ретуши смотрится удручающе. Псевдоблагодать цифровых технологий и социальная скудость политического изобилия. «Тысячелетнее» царство нарастающего отчуждения... Впрочем, экзистенциально выверенных жизненных реалий постистория не поколеблет.

Список литературы

- Альтюссер Л. Ленин и философия / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Ад Маргинем, 2005.
Бакунин М.А. Революционный катехизис. СПб.: Лань, 2013.
Бернанос Ж. Свобода... для чего? / Пер. с фр. К.А. Чекалова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993.
Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович; ред. Б. Скуратов. М.: Логос, 2000.
Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля // Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по «Феноменологии духа» / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. С. 657–716.
Ламетри Ж.О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения / Пер. с фр. Э.А. Гроссман и В. Левицкого. М.: Мысль, 1983. С. 169–226.

²⁵ См.: Ньюман С. Постанархизм. М., 2022.

²⁶ Там же. С. 39.

²⁷ См.: Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб., 2001. С. 69.

- Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура / Пер. с англ. А. Писарева // Логос. 2017. № 1. С. 135–162.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / Пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517–642.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
- Ньюман С. Постанархизм / Пер. с англ. О.Л. Грабовской. М.: РИПОЛ классик, 2022.
- Рансьер Ж. На краю политического / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006.
- Соловьёв В.С. По поводу последних событий // Соловьёв В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 222–226.
- Фатенков А.Н. Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 159–169.
- Фатенков А.Н. Онтология Брюно Латура как технологизированное берклианство // Философские науки. 2019. Т. 62. № 9. С. 68–87.
- Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Пер. с англ. Д. Кралечкина под науч. ред. А. Павлова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
- Чоран Э.М. История и утопия / Пер. с фр. В.А. Никитина. М.: Опустошитель, 2023.
- Шмитт К. Политика // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. URL: <https://coollib.net/b/480228-karl-shmitt-ponyatie-politicheskogo/read> (дата обращения: 22.12.2023).

The parodic character of posthistory

Aleksey N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; Privolzhsky Research Medical University. 10/1 Minin Sq., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation; e-mail: fatenkov@fsn.unn.ru

The philosophical understanding of the end of human history has a long tradition and, despite many different interpretations, gravitates towards two opposite versions. The optimistic version is symbolically presented in G.W.F. Hegel's concept, while the pessimistic one can be found in the latest conceptual essays of the "late" V.S. Solovyov. This text is structured in a tonality that partly echoes that of the latter. Methodologically, it is based on the subject-centered strategy of existential philosophy and the variation of dialectics associated with it. Thematically, it aims to reflect on the state of posthistory, a term that, according to the author, by virtue of its prefix "post-", captures not only temporal shades of meaning ("after"), but also parodic ones. Every post-something parodies its own root, speculatively enhancing some meaningful aspects of it and hiding others. Posthistory diminishes the social for the sake of the socio-technical and hypertrophies the political, which is already dominant in the historical process and its standard perception. The author focuses on the intellectual support of well-defined trends in modern social life and critically analyzes theoretical constructions that fully (B. Latour) or partially (J.O. de La Mettrie) legitimize the reduction of the social to the socio-technical and subordinate, directly (K. Schmitt) or indirectly (S. Newman), the social to the political. While recognizing the weakness of modern society and agreeing with the importance of individual resistance to the negative tendencies that dominate it, the author emphasizes the positive significance of the individual's self-identity – in contrast to post-structuralism and post-anarchism – resulting from the individual's power over himself. At the same time, the individual effort is considered insufficient to address the human condition. The prognosis for

the posthistorical future is therefore pessimistic. But fortunately, earthly life – human life itself – is not limited to history and posthistory.

Keywords: history, posthistory, parody, the social, the socio-technical, reduction of the social to the socio-technical, the political sphere, hypertrophy of the political sphere

For citation: Fatenkov, A.N. “Parodiinyi kharakter postistorii” [The parodic character of posthistory], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 121–134. (In Russian)

References

- Althusser, L. *Lenin i filosofiya* [Lenin and Philosophy], trans. by N. Kulish. Moscow: Ad Marginem Publ., 2005. (In Russian)
- Bakunin, M.A. *Revoljucionnyj katehizis* [Revolutionary Catechism]. St. Petersburg: Lan’ Publ., 2013. (In Russian)
- Bernanos, G. *Svoboda... dlya chego?* [Freedom... for What?], trans. by K.A. Chekakov. St. Petersburg: Ivan Limbah Publ., 2014. (In Russian)
- Cioran, E.M. *Istoriya i utopiya* [History and Utopia], trans. by V.A. Nikitin. Moscow: Opus-toshitel’ Publ., 2023. (In Russian)
- Debord, G. *Obshhestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle], trans. by S. Ofertas and M. Yakubovich; ed. by B. Skuratov. Moscow: Logos Publ., 2000. (In Russian)
- Fatenkov, A.N. “Nevozvrashchenets: figura sub”ekta v negativnoi dialektike” [Non-returner: The Figure of Subject in Negative Dialectics], *Voprosy filosofii*, 2013, No. 6, pp. 159–169. (In Russian)
- Fatenkov, A.N. “Ontologiya Bryuno Latura kak tekhnologizirovannoe berkleianstvo” [Bruno Latour’s Ontology as Technologized Berkeleyianism], *Filosofskie nauki*, 2019, Vol. 62, No. 9, pp. 68–87. (In Russian)
- Ferrando, F. *Filosofskii postgumanizm* [Philosophical Posthumanism], trans. by D. Kralechkin; ed. by A. Pavlov. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2022. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Lekcii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of World History], trans. by A.M. Voden. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. (In Russian)
- Kojève, A. “Ideya smerti v filosofii Gegelya” [The Idea of Death in Hegel’s Philosophy], in: A. Kojève, *Vvedenie v chtenie Gegelya. Lektsii po ‘Fenomenologii dukha’* [Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on the ‘Phenomenology of Spirit’], trans. by A.G. Pogonyailo. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003, pp. 657–716. (In Russian)
- La Metrie, J.O. de. “Chelovek-mashina” [Man a Machine], in: J.O. de La Metrie, *Sochineniya* [Works], trans. by E.A. Grossman and V. Levitsky. Moscow: Mysl’ Publ., 1983, pp. 169–226. (In Russian)
- Latour, B. “Devidu Bluru... i ne tol’ko: otvet na ‘Anti-Latur’ Devida Blura” [For David Bloor and Beyond], trans. by A. Pisarev, *Logos*, 2017, Vol. 27, No. 1, pp. 135–162. (In Russian)
- Latour, B. *Peresborka sotsial’nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], trans. by I. Polonskaya, ed. by S. Gavrilenko. Moscow: HSE Publ. House, 2014. (In Russian)
- Lipovetsky, G. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [The Era of Emptiness. The Essay on Modern Individualism], trans. by V.V. Kuznetsov. St. Petersburg: Vladimir Dal’ Publ., 2001. (In Russian)
- Marx, K. “Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda” [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844], in: K. Marx & F. Engels, *Iz rannikh proizvedenii* [Early Works]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1956, pp. 517–642. (In Russian)
- Marx, K. & Engels, F. “Nemetskaya ideologiya” [The German Ideology], in: K. Marx & F. Engels, *Sochineniya* [Complete Works], Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955, pp. 7–544. (In Russian)
- Newman, S. *Postanarchizm* [Post-Anarchism], trans. by O.L. Grabovskaya. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2022. (In Russian)

- Rancière, J. *Na krayu politicheskogo* [On the Edge of the Political], trans. by B.M. Skuratov. Moscow: Praxis Publ., 2006. (In Russian)
- Schmitt, K. "Politika" [Policy], in: K. Schmitt, *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political], ed. by A.F. Filippov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016 [<https://coollib.net/b/480228-karl-shmitt-ponyatie-politicheskogo/read>, accessed on 22.12.2023]. (In Russian)
- Solovjov, V.S. "Po povodu poslednih sobytij" [About the Latest Events], in: V.S. Solovjov, *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 10. St. Petersburg: Prosveshhenie Publ., 1914, pp. 222–226. (In Russian)